

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

УДК 792.8

ТЕРПСИХОРА ПРОТИВ СОВНАРКОМА: БАЛЕТНАЯ ТРУППА МАРИИНСКОГО ТЕАТРА В НОЯБРЕ 1917 – ЯНВАРЕ 1918 ГОДА

*Гордеев П. Н.*¹

¹ Российский государственный университет имени А. И. Герцена, наб. Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

В статье на основании впервые вводимого в научный оборот архивного материала исследуется история балетной труппы Мариинского театра на рубеже 1917–1918 годов. После Октябрьской революции танцовщики во главе с Т. П. Карсавиной вместе с другими артистами государственных театров Петрограда заявили о непризнании ими Советского правительства. Однако уже в декабре 1917 года в труппе начал назревать раскол, появились отдельные сторонники большевиков. Решающие дни наступили в начале января, когда представители новой власти перешли к физическому захвату театральных зданий и увольнению недовольных. Балетная труппа, по ряду причин оставшаяся в это время без ярких лидеров, приняла на собрании 8 января резолюцию, возлагавшую на власть моральную ответственность в случае нарушения «автономных» прав балета. Однако нежелание артистов покидать театр (уходить танцовщикам было некуда) вынуждало идти на переговоры с наркомом А. В. Луначарским. В конце января на этих переговорах балетная труппа уже обсуждала вопрос о нормах жалованья, что фактически знаменовало собой признание власти большевиков.

Ключевые слова: русский балет, Мариинский театр, Октябрьская революция, Т. П. Карсавина, М. М. Фокин, А. В. Луначарский.

TERPSICHORE AGAINST THE SOVNARKOM: THE BALLET COMPANY OF THE MARIINSKY THEATER IN NOVEMBER 1917 – JANUARY 1918

*Gordeev P. N.*¹

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

The article examines the history of the ballet troupe of the Mariinsky Theater at the turn of 1917–1918 on the basis of archival material introduced into scientific circulation for the first time. After the October Revolution, the dancers led by T. P. Karsavina together with the other artists of the State theaters of Petrograd, declared their non-recognition of the Soviet government. However, already in December 1917, a split began to brew in the troupe, and individual supporters of the Bolsheviks appeared. The decisive days came at the beginning of January, when the representatives of the new government proceeded to the physical capture of the theater buildings and the lockout of those discontented. The ballet troupe for a number of reasons left without bright leaders at that time, adopted a resolution at a meeting on January 8 that placed moral responsibility on the authorities in case of violation of the “autonomous” rights of the ballet. However, the unwillingness of the artists to leave the theater (the dancers had nowhere to go) forced them to negotiate with People’s Commissar A. V. Lunacharsky. At the end of January during the negotiations, the ballet troupe was already discussing the issue of salary standards, which actually marked the end of “sabotage” and the recognition of the power of the Bolsheviks.

Keywords: Russian ballet, Mariinsky Theatre, October Revolution, T. P. Karsavina, M. Fokine, A. V. Lunacharsky.

Деятельность балетной труппы Мариинского театра в период «саботажа» (т. е. игнорирования широкими кругами интеллигенции, включая артистов бывшей императорской сцены) распоряжений Советского правительства до сих пор остается практически неизученной. В немногочисленных специальных исследованиях этот период характеризуется лишь самыми общими словами («Первое время после Октября... царила растерянность» [1, с. 12]). Туманными сетованиями на сложное время («труппа не знала периода более напряженного и трудного, чем тот, который выпал на долю основоположников советского балетного театра» [2, с. 13], «большинство балетной труппы пребывало в полной растерянности» [3, с. 187]) в основном ограничивается и мемуарная литература. Действительно, в истории балета на рубеже 1917–1918 годов не

было столь ярких событий, как «эмиграция» труппы Александринского театра в театр «Аквариум» на Каменноостровском проспекте или заключение в «Крестах», которое пришлось пережить управляющему оперной труппой Мариинского театра А. И. Зилоти. Однако и для танцовщиков, при старом режиме весьма незначительно вовлеченных в политику, противостояние театрального ведомства с правительством Ленина стало временем испытаний. Им пришлось так или иначе формулировать свою общественную позицию в условиях полной неопределенности, неуверенности в будущем и Мариинской сцены, и всего Российского государства.

К моменту Октябрьской революции балетную труппу Мариинского театра возглавляли управляющий труппой И. Н. Иванов, Художественно-репертуарный комитет во главе с его председателем, знаменитой балериной Т. П. Карсавиной и балетмейстер М. М. Фокин. Все эти должности в 1917 году в соответствии с провозглашенным принципом «театральной автономии» были выборными [4, с. 438–454]. Попытка пришедших к власти большевиков сразу поставить под свой контроль театры, назначив комиссара М. П. Муравьева, заговорившего с артистами в приказном тоне, вызвала негодование в сценическом мире, в том числе и среди танцовщиков. Представители балета наравне с оперной труппой и актерами Александринского театра участвовали 5 ноября в общем собрании артистов государственных театров. Выразив «...негодование виновникам гибели бесчисленных жертв дикой расправы насильников, уничтожения художественных сокровищ, которых восстановить нельзя» (назвать конкретных виновников, как предлагал певец В. И. Лосев, артисты не решились), собрание заявило, что признает «...единственной правомочной властью, действующей в настоящее время в Петрограде, власть законно-выбранного городского головы», которому предлагалось «...приобщить наши силы к совместной работе по спасению города и населения от окончательной гибели, используя наше коллективное участие по усмотрению Городской Думы и Комитета Спасения Родины и революции». В делегацию, которая должна была сообщить эту резолюцию городскому голове Г. И. Шрейдеру, было избрано пять человек, в том числе и представительница балетной труппы Т. П. Карсавина [5, л. 5–7].

За исключением упомянутого собрания, о какой-либо общественно-политической позиции балетной труппы в ноябре 1917 года почти ничего не известно. Протоколы ее общих собраний за это время, если таковые проводились, на данный момент не выявлены, а пресса, с увлечением писавшая о демаршах против большевиков драмы и оперы, не уделяла в этом смысле внимания балету. Упоминалась лишь художественная работа труппы, главным содержанием которой в конце 1917 года стали репетиции балетов М. М. Фокина «Египетские ночи», «Исламей» и «Петрушка» [6, с. 4]. Успех постановки

находился под вопросом ввиду прогрессирующего распада не только городского хозяйства, но и самых общих начал благоустроенной жизни, что не могло не отражаться на бывших императорских театрах. «Балет, говорят, стал неузнаваем, он разваливается», — записала 28 ноября в дневнике мать актрисы Александринского театра Л. Н. Шуваловой писательница С. И. Смирнова-Сазонова (вероятно, со слов дочери) [7, л. 66]. Эта печальная оценка подтверждается и документами. Причем если сами артисты, продолжавшие даже в дни благородного возмущения против «насильников» заваливать Художественно-репертуарный комитет жалобами на допущенную по отношению к ним несправедливость (так, артистка Р. В. Мацкевич 27 октября жаловалась, что ее днем ранее вычеркнули из запасного состава исполнителей в «Дочери фараона», А. П. Константинова 2 ноября требовала не вычитать деньги из содержания ее за неявку в театр, так как она болела, причем все бумаги, подтверждавшие болезнь, потерялись [8, л. 31, 40–41]), то разложение технического персонала зашло гораздо дальше.

Яркий эпизод с участием театральных рабочих произошел 27 ноября, на торжественной постановке в Мариинском театре «Руслана и Людмилы», приуроченной к 75-летию оперы. Постановкой танцев заведовал М. М. Фокин¹. Во время антракта он вместе с артистами решил устроить последнюю репетицию сложного танцевального номера (марша Черномора) в максимально возможной тишине, без музыки. Марш сопровождался световыми эффектами, которые производил сидящий в специальной люльке осветитель, манипулировавший лучом света. Как вспоминал много лет спустя заведовавший постановочной частью петроградских государственных театров С. Л. Бертенсон, «...находившийся в тот вечер в “люльке” осветитель почему-то оказался не в духе и, в самый разгар последних режиссерских штрихов Фокина, шепотом отдававшего распоряжения артистам, репетировавшим марш, громко закричал: “Эй, вы там, довольно уже повторять одно и то же! Мне надоело висеть тут, спускайте меня скорее вниз!”». Рабочие выполнили его желание, но «...и Фокин, и артисты были глубоко возмущены таким грубым вмешательством в их работу. На Фокина этот случай произвел громадное впечатление и, как он мне рассказывал много лет позднее, под его влиянием в нем сложилось окончательное решение покинуть Мариинский театр и родину. Для Фокина весь интерес жизни заключался в творческой работе. Работать же в обстановке, где художественное творчество находилось в плену у рабочей силы, он не мог» [10, с. 239–240]. Для мысли об эмиграции у великого балетмейстера были и другие причины. 6 декабря Фокин рассказывал А. Н. Бенуа о том, что он «...из своих окон видел, как матросы вдоль Екатерининского канала несли четы-

¹ Об этом спектакле см. подробнее [9, с. 213].

рех убитых, которых тут же положили в сани. <...> Мне показалось, что сейчас основная мечта Фокина — просто удрать из России», — заключил художник сделанную им после разговора дневниковую запись [11, с. 567–568].

В декабре положение казенной сцены, по-прежнему возглавлявшейся назначенным еще в апреле 1917 года главноуполномоченным по государственным театрам Ф. Д. Батюшковым, не признававшим большевистское правительство, обострилось. 10 декабря нарком просвещения А. В. Луначарский потребовал от Батюшкова «немедленно» явиться к нему для объяснения по поводу «...контрреволюционной политики, озлобленной агитации» в театрах, угрожая в противном случае увольнением. Батюшков ответил, что он не привык подчиняться угрозам и отказался прийти; 12 декабря он был официально уволен Луначарским с должности главноуполномоченного [12, с. 53–56]. Артисты не могли не отреагировать на это: на общем собрании трупп государственных театров, состоявшемся в Мариинском театре 10 декабря, актер Г. Г. Ге от имени труппы Александринского театра (настроенной наиболее оппозиционно по отношению к большевикам) зачитал проект заявления в поддержку Батюшкова, в котором резко осуждалось («...считаем совершенно недопустимым») «...посягательство на свободу действий нашего избранника и представителя» со стороны «...политических партий, незаконных во власти волею всего народа». В течение следующих суток это обращение редактировалось в других труппах и постепенно становилось все более «осторожным» в формулировках. Художественно-репертуарный комитет балетной труппы в своем варианте исключил упоминания об обеспокоенности тяжкими переживаниями России, ремарку о партиях, «незаконных волею народа», и характеристику Батюшкова как «нашего избранника» (оставив только «представителя»). Художественно-репертуарный комитет оперной труппы пошел еще дальше, убрав из заявления фразу об отсутствии давления на артистов со стороны Батюшкова, слово «совершенно» (в сочетании «считаем совершенно недопустимым»), а также упоминание о Батюшкове как представителе артистов [13, с. 144–145]. Таким образом, балетный комитет занял среднюю позицию между александринцами, державшимися твердо антибольшевистского курса, и оперными артистами Мариинского театра, постепенно склонявшимися к сотрудничеству с А. В. Луначарским.

Если комитет пытался придерживаться «умеренной» линии поведения, то в самой балетной труппе в декабре 1917 года нарастал раскол. Часть артистов решительно поддерживала Ф. Д. Батюшкова; к этой группе относился, среди прочих, первый танцовщик П. Н. Владимиров, писавший 31 декабря главноуполномоченному: «Не могу скрыть преклонения перед Вашим достойнейшим ответом этим жестоким “Правителям”. Мы, артисты Государственных театров, должны гордиться и мы гордимся, что во главе нам родно-

го дела стоит Федор Дмитриевич, который смело и мужественно охраняет самое ценное в России — это искусство. Я уверен, что все те, кто честно любит искусство, вместе с Вами и за Вами» [13, с. 149–150]. Сам Батюшков, выступая 11 декабря на заседании делегатов различных установлений бывшего Министерства двора и рассказывая о поддержке, которую ему днем ранее оказали артисты (на общем собрании в Мариинском театре), сообщил: «Однако и среди артистов нашелся большевик (из балетной труппы), который выразился, что хотя Батюшков и против большевиков, однако деньги не брезгает получать из их рук» (фамилию своего оппонента главноуполномоченный, к сожалению, не указал). Впрочем, «...когда такое мнение о Батюшкове стало известно артистам, они устроили Ф. Д. овацию и избрали Главноуполномоченным по Госуд[арственным] театрам» [14, л. 25].

В начале января 1918 года большевики пошли на решительный штурм театрального ведомства. 2 января 1918 года правительственный комиссар В. В. Бакрылов явился в Управление государственными театрами (располагавшееся в историческом здании Дирекции театров) с отрядом красногвардейцев, уволил Ф. Д. Батюшкова и весь состав Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, силой захватив здание [10, с. 242–243]. Кроме того, приказом А. В. Луначарского были упразднены должности управляющих труппами, а их полномочия переданы «автономным комитетам». В Мариинском театре началась забастовка хора, оркестра и часть солистов, на которую 11 января большевики ответили повторным в течение двух недель арестом управляющего оперной труппой А. И. Зилоти (первый кратковременный арест известный музыкант пережил 30 декабря) [15, с. 4; 16, с. 4]. В тот же день, 11 января, Ф. Д. Батюшков писал своему предшественнику в области театрального управления, бывшему директору императорских театров В. А. Теляковскому: «Не скоро государств[енные] театры оправятся от погрома, если им суждено вообще оправиться, и все-таки это будет не то. Гибели обречен главным образом балет: того, что было не воссоздать» [17, л. 1, об. 2]. Но как же сама балетная труппа реагировала на эти небывалые в анналах русского театра события?

8 января балетные артисты устроили общее собрание. Наиболее влиятельная фигура в труппе, Т.П. Карсавина, тяжело заболев («...с трудом передвигалась от кровати до дивана», — вспоминала балерина спустя годы), в это время отстранилась от работы в художественно-репертуарном комитете [18, с. 4; 19, с. 286]. А. Н. Бенуа, посетивший Карсавину 12 и 18 января, записал, что балерина была «...в ужасе от того, что творится в театре», «...совершенно поссо-

рилась с Фокиным»² и рассказывала, что «...у них по соседству на Марсовом поле каждую ночь происходят убийства» [11, с. 674, 690–691]. При этом Карсавина по мере сил участвовала в общественной жизни театрального ведомства: в частности, в первой половине января она присутствовала как «делегатка от балета» на заседании Художественно-репертуарного комитета Александринского театра, большинство членов которого высказалось за невозможность «продолжать свою деятельность при сложившихся условиях» [21, с. 24]. Учитывая, что мысли М. М. Фокина в то время были поглощены отъездом, для получения разрешения на который ему нельзя было быть заподозренным в нелояльности к новым правителям, а И. Н. Иванов был лишен большевиками поста управляющего труппой, последняя в решающий момент оказалась фактически обезглавленной. Вместо «звезд» Фокина и Карсавиной и первого танцовщика Иванова председательствовать на важном собрании 8 января довелось А. А. Алексееву, занимавшему в труппе невысокое положение «корифея» (между вторыми танцовщиками и кордебалетом) [22, с. 66].

Протокол собрания от 8 января нами не обнаружен, зато в Санкт-Петербургском театральном музее сохранилась принятая на заседании резолюция, в достаточной степени характеризующая общественную позицию труппы. Ее можно назвать умеренно оппозиционной большевикам. Артисты требовали сохранения должности управляющего, в которой они видели только И. Н. Иванова, «пользующегося общим доверием и хорошо знакомого с делом театральной техники», а также продолжения работы канцелярии; реорганизация либо ликвидация последней могла проводиться лишь «представителями всех групп, входящих в состав Гос[ударственных] театр[ов], и с их согласия». Только служащие театров, а не правительство, могли, по мнению балетных артистов, выступать учредителями Совета по управлению государственными театрами, руководящего сценическим ведомством. Резолюция завершалась пафосным обращением, не имевшим формально определенного адресата, но в условиях того времени явно предназначенным властям: «Правильная художественная работа балетной труппы в Государственном Мариинском театре может продолжаться только при полной гарантии сохранения ее автономии, при полной гарантии неприкосновенности ее выборных представителей, руководящих ее деятельностью, и при сохранении всех приобретенных ею прав. При нарушении этих условий, ответственность за могущие быть последствия должна пасть на лиц, своим вмешательством разрушающих одно из самых высоких проявлений творчества Русского духа, одну из вели-

² Фокин упрекнул балерину в том, что она встает между ним и труппой «каменной стеной». Обиженная Карсавина написала заявление о сложении с себя полномочий председателя Художественно-репертуарного комитета [20, с. 4].

чайших художественных ценностей, единственную во всем мире — Русский Балет» [23, л. 1–1 об.].

Сравнивая резолюцию балетной труппы с «непримиримой» позицией, занятой александринцами, С. И. Смирнова-Сазонова записала в дневнике 8 января: «Балетные оставили себе выход, они уйдут только в том случае, если лишат их автономии» [7, л. 170]. Строго говоря, в резолюции вообще не оговаривались сколько-нибудь четко ни «уход» из театра, ни какая-либо другая форма реакции труппы на отказ большевиков выполнять ее требования, вместо этого речь шла о туманных «последствиях». Впечатленные силой, которую большевики не постеснялись применить против Ф. Д. Батюшкова и А. И. Зилоти (последний был не просто главой оперы, но воспринимался публикой, в том числе и наркомом Луначарским, как «директор Мариинского театра» [24, с. 279]), артисты балета опасались репрессий. Если актеры драмы и солисты оперы в то время могли уйти (в случае захвата государственных театров большевиками) с государственной сцены на частную, то танцовщики — нет (частного балетного театра в России не существовало). Однако с психологической точки зрения труппа была не готова смириться с открытым насилием и резко отказаться от непризнания власти Совета народных комиссаров, декларировавшегося как официальная позиция государственных театров на протяжении предыдущих двух с половиной месяцев. Выходом, казалось, стали строгая аполитичность и подчеркивание непременности «автономии» труппы от любого правительства. Для принятия подобной резолюции временное отсутствие ярких лидеров, наподобие критически относившейся к большевикам Т. П. Карсавиной, оказалось дополнительным удобным обстоятельством.

Лозунг «автономии» поначалу был приемлем для А. В. Луначарского; фактический контроль его ставленника В. В. Бакрылова над зданиями и имуществом театрального ведомства, а также нежелание балетных артистов идти на дальнейшее обострение проложили путь к компромиссу. 23 января Луначарский подписал М. М. Фокину долгожданное удостоверение в том, что «...к отъезду артиста Государственных театров Михаила Фокина с женою артисткой В. Фокиной в Швецию препятствий не имеется». Так как Фокины «едут для устройства балетных спектаклей», то им также давалось разрешение «вывезти и ввезти обратно костюмы и другие относящиеся сюда предметы» [25, л. 1]. Ценнейшая в тех условиях бумага, выданная наркомом, открыла Фокину путь в Европу. Остававшиеся в России артисты также поспешили нормализовать отношения с властью. 26 января большая делегация балетных артистов во главе с И. Н. Ивановым, по-прежнему именовавшимся в прессе управляющим труппой (поскольку Иванов, в отличие от Зилоти, не был активным лидером «саботажа», власть, по-видимому, закрывала на это глаза) была на приеме у Луначарского, причем переговоры с наркомом

продлились так долго, что около 30 записанных посетителей на прием попасть не смогли. Артисты привезли на согласование измененный проект «автономии» своей труппы, которая должна была управляться Художественно-репертуарным комитетом и балетмейстером Фокиным (у последнего, впрочем, были другие планы). Танцовщики намеревались устроить и «балетный спектакль для народа» (что в данных условиях было скорее реверансом в сторону властей). Впрочем, «...самым существенным в уставе автономной государственной балетной труппы...» были, как сообщил Иванов газетному корреспонденту, «...новые усиленные нормы артистического труда» [26, с. 4]. Это был финал пути, пройденного балетной труппой: от осуждения «насильников» — до переговоров с ними о повышении жалованья. Эпоха «саботажа», по крайней мере, применительно к балету, подошла к концу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суриц Е. Я. Начало пути. Балет Москвы и Ленинграда в 1917–1927 годах // Советский балетный театр. 1917–1967. М.: Искусство, 1976. С. 7–105.
2. Михайлов М. М. Молодые годы ленинградского балета. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1978. 150 с.
3. Лопухов Ф. В. Шестьдесят лет в балете. М.: Искусство, 1966. 367 с.
4. Гордеев П. Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 856 с.
5. Переписка по вопросам, связанным с событиями в октябре 1917 г. // РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129.
6. Фокинские балеты // Петроградская газета. 1917. 14 ноября. № 259.
7. Смирнова-Сазонова С. И. Дневник за 1917 г. // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 285. № 67.
8. Заявления артистов балета театра в Комиссию по текущим делам балетной труппы по вопросам их работы в театре // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-337. Оп. 1–2. Д. 3.
9. Петербургский балет. Три века: хроника. Т. IV. 1901–1950 / Сост. Н. Н. Зозулина, В. М. Миронова [авт. проекта и ред.: С. В. Дружинина]. СПб.: Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой, 2015. 540 с.
10. Бертенсон С. Л. Вокруг искусства. Холливуд: б. и., 1957. 414 с.
11. Бенуа А. Н. Дневник. 1916–1918. М.: Захаров, 2010. 768 с.
12. Первые мероприятия Наркомпроса по управлению театрами (декабрь 1917 г.) / Подготовил В. Д. Зельдович // Исторический архив. 1959. № 1. С. 50–60.
13. «В лице Вашем имеем дело с кристально чистым человеком». Письма деятелей культуры Ф. Д. Батюшкову. Декабрь 1917 г. / Подготовил П. Н. Гордеев. 2016. № 1. С. 143–151.
14. Протоколы и постановления заседаний и общих собраний служащих Канцелярии

- Министерства Императорского Двора о бойкоте Советской власти // РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 611.
15. Бинобль. Арест Ал. Ил. Зилоти // Новая Петроградская газета. 1917. 31 декабря. № 23.
 16. Арест А. И. Зилоти // Наш век. 1918. 13 января. № 8.
 17. Батюшков Ф. Д. Письмо Теляковскому В. А. // Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Ф. 280. Ед. хр. 13.
 18. Болезнь Т. П. Карсавиной // Новая Петроградская газета. 1918. 5 января. № 3.
 19. Карсавина Т. П. Театральная улица. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2009. 317 с.
 20. Бинобль. Инцидент Карсавина – Фокин // Новая Петроградская газета. 1918. 12 января. № 7.
 21. В государственных театрах // Театр и искусство. 1918. № 2. С. 24.
 22. Весь Петроград на 1917 год. Пг.: Товарищество А. С. Суворина – «Новое время», 1917. Отд. I. 1596 с.
 23. Проект автономии балетной труппы Государственных Петроградских театров и резолюции Общих Собраний артистов-солистов и балетной труппы о непризнании Совета по управлению государственными театрами // Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. Ф. 66. КП 8624/118.
 24. Луначарский А. В. На советские рельсы // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968. С. 275–286.
 25. Фокин М. М. Удостоверение на выезд. 1918 г. // Отдел рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. Ф. 11. Оп. Р 11. № 15.
 26. Бинобль. Балетные артисты у А. В. Луначарского // Новая Петроградская газета. 1918. 27 января. № 19.

REFERENCES

1. Suricz E. Ya. Nachalo puti. Balet Moskvy` i Leningrada v 1917–1927 godax // Sovetskij baletny`j teatr. 1917–1967. M.: Iskusstvo, 1976. S. 7–105.
2. Mixajlov M. M. Molody`e gody` leningradskogo baleta. L.: Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1978. 150 s.
3. Lopuxov F. V. Shest` desyat let v balete. M.: Iskusstvo, 1966. 367 s.
4. Gordeev P. N. Gosudarstvenny`e teatry` Rossii v 1917 godu. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2020. 856 s.
5. Perepiska po voprosam, svyazanny`m s soby`tiyami v oktyabre 1917 g. // RGIA. F. 497. Op. 6. D. 5129.
6. Fokinskie balety` // Petrogradskaya gazeta. 1917. 14 noyabrya. № 259.

7. *Smirnova-Sazonova S. I.* Dnevnik za 1917 g. // Rukopisny`j otdel Instituta russkoj literatury` RAN. F. 285. № 67.
8. Zayavleniya artistov baleta teatra v Komissiyu po tekushhim delam baletnoj truppy` po voprosam ix raboty` v teatre // CzGALI SPb. F. R-337. Op. 1-2. D. 3.
9. Peterburgskij balet. Tri veka: xronika. T. IV. 1901-1950 / Sost. N. N. Zozulina, V. M. Mironova [avt. proekta i red.: S. V. Druzhinina]. SPb.: Akademiya Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj, 2015. 540 s.
10. *Bertenson S. L.* Vokrug iskusstva. Xollivud: b. i., 1957. 414 s.
11. *Benua A. N.* Dnevnik. 1916-1918. M.: Zaxarov, 2010. 768 s.
12. Pervy`e meropriyatiya Narkomprosa po upravleniyu teatrami (dekabr` 1917 g.) / Podgotovil V. D. Zel`dovich // Istoricheskij arxiv. 1959. № 1. S. 50-60.
13. «V lice Vashem imeem delo s kristal`no chisty`m chelovekom». Pis`ma deyatelej kul`tury` F. D. Batyushkovu. Dekabr` 1917 g. / Podgotovil P. N. Gordeev. 2016. № 1. S. 143-151.
14. Protokoly` i postanovleniya zasedanij i obshhix sobranij sluzhashhix Kancelyarii Ministerstva Imperatorskogo Dvora o bojkote Sovetskoj vlasti // RGIA. F. 472. Op. 66. D. 611.
15. Binokl`. Arest Al. Il. Ziloti // Novaya Petrogradskaya gazeta. 1917. 31 dekabrya. № 23.
16. Arest A. I. Ziloti // Nash vek. 1918. 13 yanvarya. № 8.
17. *Batyushkov F. D.* Pis`mo Telyakovskomu V. A. // Gosudarstvenny`j central`ny`j teatral`ny`j muzej im. A. A. Baxrushina. F. 280. Ed. xr. 13.
18. Bolezn` T. P. Karsavinoj // Novaya Petrogradskaya gazeta. 1918. 5 yanvarya. № 3.
19. *Karsavina T. P.* Teatral`naya ulicza. Vospominaniya. M.: Centrpoligraf, 2009. 317 s.
20. Binokl`. Incident Karsavina – Fokin // Novaya Petrogradskaya gazeta. 1918. 12 yanvarya. № 7.
21. V gosudarstvenny`x teatrax // Teatr i iskusstvo. 1918. № 2. S. 24.
22. Ves` Petrograd na 1917 god. Pg.: Tovarishestvo A. S. Suvorina – «Novoe vremya», 1917. Otd. I. 1596 s.
23. Proekt avtonomii baletnoj truppy` Gosudarstvenny`x Petrogradskix teatrov i rezolyucii Obshhix Sobranij artistov-solistov i baletnoj truppy` o nepriznanii Soveta po upravleniyu gosudarstvenny`mi teatrami // Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j muzej teatral`nogo i muzy`kal`nogo iskusstva. F. 66. KP 8624/118.
24. *Lunacharskij A. V.* Na sovetskie rel`sy` // Lunacharskij A. V. Vospominaniya i vpechatleniya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1968. S. 275-286.
25. *Fokin M. M.* Udostoverenie na vy`ezd. 1918 g. // Otdel rukopisej i redkoj knigi Sankt-Peterburgskoj gosudarstvennoj teatral`noj biblioteki. F. 11. Op. R. 11. № 15.
26. Binokl`. Baletny`e artisty` u A. V. Lunacharskogo // Novaya Petrogradskaya gazeta. 1918. 27 yanvarya. № 19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гордеев П. Н. — д-р ист. наук, доц. каф.; petergordeev@mail.ru
ORCID 0000-0003-2842-4297

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gordeev P. N. — Dr. Habil. (History), Ass. Prof.; petergordeev@mail.ru